

А. С. АЛЕКСЕЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
alevtina.sergeevna@gmail.com

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ТЕКСТЫ ОЛОНЕЦКОГО СБОРНИКА: ФОНЕТИКА И ГРАММАТИКА *

Олонецкий сборник (БАН. 21.9.10) представляет собой одно из крупнейших собраний рукописных заговоров первой половины XVII в. Изучение фонетических и грамматических особенностей рукописи и сопоставление как с современным, так и поздним диалектным материалом позволило установить, что оба писца были носителями новгородского диалекта или говоров северо-восточной новгородской периферии. В обеих частях рукописи были обнаружены следующие диалектные особенности: переход ударного [ê] > [и], полное оканье, твердое качество <ж>, реализация долгого глухого шипящего в виде [ш'], звонкого — [ж], неразличение аффрикат, синкретизм сущ. **ā*-скл. Р.–Д.–М. ед., флексия *-ыма/-има* у прилагательных в Т. мн., конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени. Во второй части рукописи дополнительно отмечаются предлог *ув*, взрывной характер звонкого задненебного, флексия *-амы/-ямы* у существительных в Т. мн., И. п. в клаузах с причастиями. Отражение двух типов синкретизма Р.–Д.–М. ед. существительных **ā*-скл. может свидетельствовать как о смешении, типичной черте диалекта данной половины столетия, так и об использовании нескольких разновременных источников.

Ключевые слова: Олонецкий сборник, рукописные заговоры, древнерусский язык, севернорусские говоры, историческая лингвогеография.

Рукопись БАН. 21.9.10¹, так называемый Олонецкий сборник (далее — ОС), представляет собой ценный источник по древнерусской фольклорно-книжной традиции и истории русского языка. На основании филиграней источник датирован промежутком между 1618–1644 гг., что поддерживается характерными особенностями почерка и упоминанием в одном из текстов имени царя Михаила Федоровича, правившего в 1613–1645 гг. (подробнее о датировке см. [РЗРИ 2010: 88]). Сборник состоит из двух частей,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90061. Автор благодарит Е. А. Галинскую, Я. А. Пенькову и А. Л. Топоркова за возможность обсудить настоящую работу и членов редколлегии за ценные замечания.

¹ Описание рукописи см. в [РЗРИ 2010: 87–88].

написанных скорописью двух почерков на 46 листах. В первой части содержится 36 текстов (№ 1а–35, причем в одном тексте есть несколько слов на карельско-вепсском наречии²), во второй — 94 (№ 36–125, из них 13 заговоров на карельско-вепсском наречии). Обширный текстовый и жанровый состав сборника — 130 записей — привлекал внимание многих исследователей, однако первое полное издание рукописи появилось лишь в 2010 г. под редакцией А. Л. Топоркова³ [Там же: 37–310].

Чрезвычайно интересен вопрос о месте создания рукописи. В 1876 г., в первом издании ОС, учитель Петрозаводской духовной семинарии Л. Л. Малиновский указывает, что за рамками публикации остаются «заговоры, содержащиеся въ рукописи на Корельскомъ языкѣ, Повѣнецкого нарѣчія» [ОГВ: 161]. При этом репертуар сборника, как замечает А. Л. Топорков, действительно имеет параллели с севернорусским фольклором (в частности, с записями из Каргопольского р-на Архангельской обл. и Вытегорского р-на Вологодской обл.) [РЗРИ 2010: 83]. О происхождении рукописи высказывался и проанализировавший иноязычные заговоры А. П. Баранцев, который считал, что памятник был записан на территории распространения людиковских говоров (см. подробнее [Там же: 50–51]). Поскольку и русские, и карельско-вепсские тексты были записаны одновременно⁴, пролить свет на этот вопрос может помочь изучение языковых особенностей русскоязычной части⁵, что является предметом исследования настоящей работы.

1. Фонетические особенности ОС

1.1. Ударный вокализм: судьба фонемы <ê>

В рукописи наряду с обычной для позднерусских текстов меной *ѣ/e* встречается спорадическая мена *ѣ/u*, которая свидетельствует об осуществившемся переходе [ê] > [и] во всех позициях (минимальное число примеров не противоречит данному выводу, поскольку писец ориентировался на книжную норму): перед твердыми и мягкими согласными и в абсолютном конце слова.

² Определение С. А. Мызникова, подробнее см. [Там же: 52].

³ О предшествующих публикациях и истории рукописи см. в [Там же: 39–46].

⁴ Об этом свидетельствует наличие двух иноязычных текстов между записями № 117 и № 125, которые представляют собой разделенный на две части заговор: такое явление возможно только в случае наличия единого протографа для этого отрезка [Алексеева, Гиппиус 2019: 152–153].

⁵ Ранее средства выражения принадлежности в русском языке были исследованы Н. В. Логуновой [1984] на материале разных рукописей, включая ОС, однако комплексный анализ с точки зрения диалектологии до сих пор не проводился.

Перед твердыми согласными: *взлети*⁶ (л. 8 об., № 15), *горисо*, т. е. *горило*⁷ (л. 16 об., № 33); *прилети*⁸ (л. 32 об., № 93; л. 33, № 95).

Перед мягкими согласными: *вини*^к ‘веник’⁸ (л. 7, № 10), *зви*^р (л. 15 об., № 32); *пристри*^чнои (л. 29, № 80), *на желеize* (л. 45, № 124), *ви*^ме (л. 43, № 122).

В абсолютном конце слова: *на реки* (л. 7, № 10), *в руки* (л. 11 об., № 25 × 2); *в руки* (л. 19, № 38), *сквоз*^у (л. 19 об., № 39; л. 27, № 75 × 3; л. 38 об., № 114), *на рѣки* (л. 29, № 80; л. 38, № 114), *средѣ Иердани рѣки* (л. 30, № 85), *сред*^у (л. 32 об., № 93), *на мура*^и (л. 34 об., № 103), *на <со>би* (л. 42 об., № 121).

Необходимо прокомментировать некоторые примеры. Единственный показательный случай мены *ѣ/и* в конце слова — написание местоимения *себѣ*, поскольку, во-первых, в древнерусских текстах отмечается широкая вариативность при записи предлога *средѣ/среди* (ср. [СЛРЯ, 27: 135–136]), что не может однозначно свидетельствовать о мене букв. Во-вторых, акцентуация предлога *сквози* подразумевала два варианта, соответственно, конечный гласный может оказаться неударным. В-третьих, окончание *-и* у существительных в Р.–Д.–М. может не носить фонетического характера, т. к. в рукописи отмечается синкретизм данных падежных флексий (см. подробнее 2.1).

Заметим, что в целом мена *ѣ/и* встречается в несколько раз меньше, чем мена *ѣ/е*, однако даже такое количество примеров показательно. Особенно подчеркнем, что в ряде случаев написание неэтимологического *-и* может поддерживаться аналогическим влиянием со стороны соседних форм. См., например: *при ѿри Двде море ѡжесточило*^с, *гора ѡжесточила*, *прилети*^и *вра*^и (л. 33, № 95).

Произношение [и] в ударном слоге на месте *ѣ во всех позициях характеризовало новгородский диалект кон. XVI — первой пол. XVII в. [Галинская 2002: 42] и северную часть белозерско-бежецких говоров первой пол. XVII в. [Бегунц 2006: 69]. В говорах северо-восточной новгородской периферии, по данным Е. А. Галинской, перед мягкими согласными [ѣ] > [и], а перед твердыми фонема сохранилась, продолжая реализовываться в дифтонге [иѣ], что отражается в соотношении количества замен *ѣ/е/и*. К сожалению, ОС не располагает достаточным арсеналом примеров, чтобы определить процент, но наличие мены *ѣ/и* перед твердыми согласными позволяет сопоставить рукопись и с северо-восточной новгородской периферией. Что интересно, в Повенецкой таможенной книге 1612 г., в происхождении которой можно не сомневаться, ни разу не отмечается мена *ѣ/и* [Чернякова 2006].

⁶ Здесь и далее примеры приводятся по рукописи в упрощенной орфографии. Номера листа и заговора по изданию [РЗРИ 2010] указываются в скобках. Примеры из второй части рукописи отделяются точкой с запятой.

⁷ Вероятно, буква *с* появилась под влиянием начальной буквы следующего слова: *горисо ср*^оце.

⁸ В издании приводится чтение *винук* [РЗРИ 2010: 96], однако в рукописи виднеется полузатертая правая мачта второй буквы *и*.

1.2. Ударный вокализм: результаты изменения [e] в [o]

Большинство орфограмм, свидетельствующих об осуществлении перехода [e] в [o] после мягкого согласного перед твердым, находится во флексиях или в позиции абсолютного конца слова, а также есть несколько показательных примеров в корне слова во второй части ОС.

В абсолютном конце слова: *яицо* (л. 5, № 5; л. 11 об. × 2, № 25; л. 12, № 25; л. 20, № 42; л. 39 × 2, № 116б; л. 42 × 2, № 121).

В окончании: *яицо^и* (л. 42 об., № 121), *ла^рцо^е* (л. 13 об., № 29).

В корне: *шо^лковы^е* (л. 32 об., № 93), *шо^лковая* (л. 41 об., № 120).

Ввиду того, что вторым почерком зафиксированы примеры с переходом [e] в [o] в фонетически обусловленной позиции перед твердым согласным, можно сделать вывод, что позиция конца слова в этом отрезке также показательна: как результат аналогического изменения. Позиция во флексиях перед твердыми согласными, однако, недостаточно надежна для определения широты перехода [e] в [o], поскольку может иметь не фонетическое, а морфологическое объяснение.

Изменение [e] в [o] после мягких согласных перед твердыми произошло практически во всех русских говорах, за исключением части рязанских говоров [Галинская 2002: 201], поэтому этот показатель не релевантен для определения диалекта. Однако широкое отражение данного процесса, характерное для новгородских текстов второй пол. XVI — первой пол. XVII в., позволило Е. А. Галинской предположить, что это явление становится нормой для писцов-новгородцев, в связи с чем следует обратить особое внимание на написания без *о*, которые в ряде случаев могут свидетельствовать о нерегулярности перехода [Там же: 18]. Что касается ОС, оба писца последовательно соблюдают книжную норму, изредка отклоняясь от нее под влиянием реального произношения.

1.3. Ударный вокализм: вопрос об изменении [ʼa] в [e]

В рукописи представлен только один пример с написанием *е* вместо *я* под ударением — однако перед твердым согласным: *и хоте^б посо^х мо^ино здѣла^и* (л. 34 об., № 103). Написания, отражающие переход [ʼa] в [e] между мягкими согласными, отсутствуют: эта черта, отмечавшаяся в древненовгородском диалекте, в XVII в. в новгородских говорах, говорах северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002: 203] и бежецкой зоне белозерско-бежецких говоров [Бегунц 2006: 234], уже находилась в стадии нивелировки, в отличие от холмогорского, шенкурского [Лопухина 2011: 6, 14] и белозерских говоров [Бегунц 2006: 234], которым переход был известен.

1.4. Безударный вокализм. Позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова: первый предударный слог

В большинстве случаев буквы *а* и *о* употребляются в соответствии с этимологией (в том числе приставка *роз-*; единственное исключение —

ра³боиника (л. 23, № 56)); *бораⁿ* (л. 11 об., № 25); *борана* (л. 33 об., № 100), *пола^m* (л. 37, № 111), *роуцъна* (л. 28, № 76), *росколе^m* (л. 33 об., № 98) и др. Тем не менее зафиксированы и написания *a* на месте **o*: *наровы* (л. 1 об., № 1a), *дабу^{ou}* (л. 11 об., № 25); *са аѣглы* (л. 27 об., № 76) — последний пример может быть как опiskой, так и изменением гласной в проклитике под влиянием следующего [a] (ср. с написанием *ка Ан[и]* в берестяной грамоте № 377 (XIII в.) [Зализняк 2004: 74]). Запись слова *покояⁿя* (л. 5, № 5) в первой части рукописи, возможно, является как отражением замены *a* на *o* перед [á], так и опiskой, повтором буквы гласного.

Полное оканье характеризовало северо-восточную новгородскую периферию [Галинская 2002: 204], холмогорские, шенкурские [Лопухина 2011: 6], вологодские [Копосов 1971: 61], белозерско-бежецкие [Бегунц 2006: 84], великоустюжские говоры [Сушева 1974: 76] кон. XVI — первой пол. XVII в., а для собственно новгородских говоров, как и для первой части ОС, в это время было характерно оканье с элементами неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных. В Повенецкой таможенной книге 1612 г. отмечается написание *с носадy* (л. 26) [Чернякова 2006], которое следует скорее интерпретировать не как смешение букв *a* и *o* в первом предударном слоге, а как лексикализацию [Зализняк 2008: 145]: по предположению И. Б. Иткина, в результате вероятного влияния слова *носъ* (в письме).

*1.5. Безударный вокализм. Позиция после
твердых согласных и в абсолютном начале слова:
второй и другие предударные слоги*

Буквы *a* и *o* также употребляются в соответствии с этимологией, однако обнаруживается один ненадежный пример неразличения гласных неверхнего подъема не перед [ó]: *да закату* (л. 44, № 123). С другой стороны, следует отметить существительное Р. ед. *тово(л)ги* (л. 28, № 76) с непрозрачной этимологией, вероятно, имеющее окончное ударение [ЭСРЯ, 4: 8]. Однако, как и в предыдущем примере, подобное написание могло возникнуть в результате ошибки писца.

*1.6. Безударный вокализм. Позиция после
твердых согласных и в абсолютном начале слова:
заударные слоги*

В ОС последовательно различаются *a* и *o* в заударных слогах. Отсутствие мены букв *a* и *o* в заударных слогах было характерно для рукописей, составленных на территории распространения говоров северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002: 206], вологодских [Копосов 1971: 8] и великоустюжских говоров [Сушева 1974: 77] первой половины XVII в.

*1.7. Безударный вокализм. Позиция после
твердых согласных и в абсолютном начале слова:
вопрос о гласном [y] на месте безударного [o]
и нелабиализованном гласном на месте [y]*

В ОС отмечаются два примера с написанием у на месте безударного [o]: во-первых, в слове *архиепи(с)купи* (л. 15 об., № 32) — где отражается архаичное произношение [ЭСРЯ, 1: 91]. Во-вторых, в слове *непу*⁹ ‘подозрение (?)’⁹ (л. 25 × 2, № 60), которое, вопреки точке зрения А. И. Алмазова, восходит не к греч. *ὑποπτον* ‘подозрение’ [Алмазов 1904: 9], а к праслав. **rьt-* [ЭСРЯ, 3: 64]. Не исключено, что в этом случае произошло сближение со словом *непут-*: ср. *непутный* ‘способный причинить вред, несчастье’ в рязанских диалектах [СРНГ, 21: 136]. Таким образом, в рукописи нет надежных примеров, свидетельствующих об усилении лабиализации заударного [o], что изредка наблюдается, например, в новгородских говорах конца XVI — первой пол. XVII в. [Галинская 2002: 22–23].

*1.8. Безударный вокализм:
позиция после мягких согласных*

В первом предударном слоге часто встречается мена *ъ/e*, а также имеется один ненадежный пример написания *и* вместо *ъ* во второй части сборника: *пострили*¹⁰ (л. 29, № 79) — поскольку здесь также вероятна описка под влиянием буквы *и* в следующем слоге.

Произношение [и] на месте **ѣ* перед мягким согласным отмечается в новгородских говорах, говорах северо-восточной новгородской периферии, белозерской зоне белозерско-бежецких говоров, шенкурском говоре, вологодском диалекте [Галинская 2002: 210; Бегунц 2006: 234; Лопухина 2011: 15]. Намного чаще отмечается мена *ъ/u* в заударных слогах — в позиции перед твердым согласным (только в первой части рукописи) и в абсолютном конце слова — подобное явление характерно для новгородских, тихвинских [Галинская 2002: 214], вологодских [Копосов 1971: 8], белозерско-бежецких [Бегунц 2006: 105–106] и шенкурских [Лопухина 2011] рукописей кон. XVI — нач. XVII в.

Приведем примеры подобной мены *ъ/u*.

Перед твердым согласным: *икамени*¹¹ (л. 5 об., № 6).

В абсолютном конце слова: *в леси* (л. 5 об., № 6), *на окяни* (л. 9 об., № 18), *на острови* (л. 9 об., № 18), *в лет*¹² (л. 6, № 7), *в вечери* (л. 14, № 29; л. 14 об. — 15, № 30), Д. ед. *мату*¹³ки (л. 17, № 34); *на про(сви)ри* (л. 25, № 60), *в ступи* (л. 27, № 72), *на... икияни* (л. 27 об., № 76), *на крова*¹⁴ки (л. 33 об., № 99), *в зыбки* (л. 35 об. × 2, № 106), *на воздуси* (л. 36 об., № 110), Д. ед.

⁹ По-видимому, лексема имеет значение, близкое к толкованию слов *непцевање* в значении ‘необоснованное мнение, подозрение’ и *непыць* ‘мнение, подозрение’ [СЛРЯ, 11: 261–262].

ко^лдунихи (л. 40, № 117), w... закати (л. 42, № 121), в коробо^чки (л. 42, № 121), въ ямки (л. 42, № 121).

Гиперкорректное употребление *ѣ* вместо *и*: *крѣтъяне* (л. 30 об., № 86), *к Настасѣи* (л. 32 об., № 93), В. мн. *лѣиѣ*¹⁰ (л. 35, № 104), *прѣедае*¹¹ (л. 37, № 111).

Здесь необходимо прокомментировать написание глагола *икамени*⁷. С течением времени лексема *каменѣти* изменяет акцентуацию на *каменѣть* [Зализняк 2019: 392], поэтому гипотетически возможно произнесение *и* без ударения. С другой стороны, буква *и* в этой позиции могла появиться под влиянием инфинитивных основ на суффиксальный [i].

Примеры мены букв в абсолютном конце слова также могут иметь объяснение с точки зрения морфологии: поскольку в рукописи отмечается синкретизм Р.–Д.–М. ед. (см. подробнее 2.1), существительные жен. р. были способны принять флексию *-и* под влиянием мягкого типа (*на про(сви)ри, в ступи*) или в результате перехода [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи] (примеры с основой на заднеязычный согласный). Что касается слов муж. и ср. р., употребление флексии *-и* также можно объяснить воздействием мягкого типа.

В форме *крѣтъяне* буква *ѣ* также может заменять *ь*, поскольку в других примерах эта лексема записывается исключительно с бывшим редуцированным: *крѣтъя^нству* (л. 30 об., № 86), *крѣтъя^нѣ* (л. 31, № 88). Аналогичный эффект может быть представлен в примере *Настасѣи*, однако это предположение менее вероятно, потому что в данной части рукописи встречается запись *анастасиѣ* (л. 32 об., № 93).

Далее, во втором предударном слоге один раз пишется *е* вместо *и*: *пероговь* (л. 24 об., № 59).

Относительно реализации <'а> следует отметить наряду с этимологическими написаниями варианты с *е* на месте *я* во второй части: *паметь* (л. 27 об., № 75; л. 37, № 111; л. 39, № 116в), *паметна* (л. 42 об., № 121) — такая реализация зафиксирована в говорах северо-восточной новгородской периферии, в собственно новгородском диалекте [Галинская 2002: 215].

1.9. Безударный вокализм: позиция после шипящих согласных и [ц]

В заударных слогах отмечается написание с *о* на месте *е* после шипящих: *мѣо*⁶ (л. 8, № 14), *мѣо^м* (л. 13, № 27; л. 31 об., № 89), *верете^нцо* (л. 39, № 116г). Окончания инфинитивов и форм презенса 3 л. ед. возвратных глаголов записываются не только в соответствии с наддревнерусской нормой, но и при помощи сочетаний *-тца* или *-тце* (только в первой части): *пригоди^мца* (л. 3, № 3), *ω^мдѣла^мце* (л. 13 об., № 28), *имае(т)ца* (л. 22, № 53) и др.

¹⁰ В рукописи записано простой литореей: *сѣвъ(ж)*.

¹¹ Здесь также может отражаться смешение приставок *пре-/при-*.

*1.10. Консонантизм. Губные спиранты: фонема <в>
и ее позиционные варианты, эннететическое
и протетическое [в], фонема <ф>*

В слабой позиции оба писца ОС пишут *в* в соответствии с этимологией, за исключением написания *Еѡимѣяно(в)* (л. 30, № 86), где отражается упрощение *Evѡvмѣи* ⇒ *Еѡѡимѣи* ⇒ *Еѡимѣи*. В первой части встречается протетическое [в]: *вострее востро^с* (л. 14 об., № 29), а во второй — мена сонорных согласных [в]/[j]: *ѡдѣвала^{мѣи}* (л. 45, № 124), однако эти образования могут быть лексикализированными ввиду их большой распространенности [СЛРЯ, 12: 266; 3: 63–64]. Еще один пример имеет дискуссионный характер: *а буде^м наскорѣ надо^бно, ино припес[и] у вогня слѣды* (л. 25 об., № 61) — здесь можно видеть как написание *вожня* с протетическим [в], так и употребление предлога *ув* перед словом, начинающимся с гласного. В пользу второго предположения свидетельствуют написания без протетического [в] во второй части рукописи: *ѡго^н* (л. 19, № 38), *ѡгне^нную* (л. 23, № 56), *огне^ннаго* (л. 28, № 76). Предлог *ув* известен говорам северо-восточной новгородской периферии, новгородским, псковским, смоленским, великолукским в кон. XVI — первой пол. XVII в. [Галинская 2002: 218].

*1.11. Консонантизм. Заднеязычные согласные:
качество звонкого заднеязычного согласного,
вопрос о прогрессивном ассимилятивном
и переходном смягчении заднеязычных согласных,
вопрос о сочетаниях [кы], [гы], [хы]*

В обеих частях рукописи можно отметить написания с пропуском *з*, что свидетельствует о произношении фрикативного звонкого заднеязычного в лексике церковнославянского характера: *а^не^нско^и* (л. 17, № 34); *арха^нело^н* (л. 21 об. × 2, № 52), *арха^нелская* (л. 32, № 91). Во втором почерке встречается написание *тресня^к* ‘камыш, тростник’ — при форме М. ед. *в золотѣ треснягѣ* (л. 32, № 91), — в котором отражается позиционное оглушение конечного согласного в суффиксе *-яг-* (ср. в берестяной грамоте Торж. 9: *вьрьбѣго* ‘ивовая заросль’ [Зализняк 2004: 456, 717]), что можно расценивать как свидетельство взрывного качества звонкого заднеязычного. На первый взгляд противоречащий данному предположению пример из той же части рукописи — *па^ннох^нтки* ‘крайние суставы пальцев’ (л. 31, № 88) — скорее отражает диссимилятивное изменение [кт] > [хт], широко представленное в обеих частях сборника: *х^{мо}* (л. 2 об. — 3, № 3; л. 12 об., № 26), *нихто* (л. 24, № 57; л. 31, № 88 × 2; л. 36 об., № 110; л. 40, № 17). Тем самым наиболее предпочтительным является заключение о взрывном характере заднеязычного: такое образование отражается в рукописях кон. XVI — первой пол. XVII в. тихвинского, псковского, новгородского [Галинская 2002: 221], белозерско-бежецкого [Бегунц 2006: 233], холмогорского и шенкурского происхождения [Лопухина 2011: 10, 17]. Прогрессивное ас-

симилятивное и переходное смягчение заднеязычных согласных в рукописи не наблюдается: в единственном написании *ско^лке* (л. 22, № 52), вероятнее всего, следует предполагать не смягчение [к] после [л'], а результат лексикализации в севернорусских говорах. Примеры произношения [ы] после заднеязычных также отсутствуют.

*1.12. Консонантизм. Шипящие согласные:
качество <ш> и <ж>, долгие шипящие согласные*

Примеры, позволяющие определить качество <ш>, в обеих частях рукописи отсутствуют. Что касается звонкого коррелята фонемы, наряду с этимологически верными написаниями часто отмечается написание *жы*, свидетельствующее об отвердении шипящего: *лежы^м* (л. 3 об., № 4; л. 21, № 51; л. 22 об., № 54; л. 28 об., № 78; л. 32, № 90), *положы^{тм}* (л. 2 об., № 2; л. 3 об., № 3; л. 18 об., № 37; л. 22, № 52; л. 22, № 53), *жылы* (л. 3 об., № 4; л. 8, № 13), *хажыва^м* (л. 4, № 4), *мужыка* (л. 8, № 12), *Бжы^л* (л. 11, № 23; л. 22 об., № 54), *ножыко^м* (л. 11 об., № 25), сущ. *жы^л* (л. 14, № 29), *грыжы* (л. 18 об., № 37), *положы* (л. 20, № 41; л. 21, № 48; л. 24 об., № 59; л. 34, № 102), *завяжы* (л. 23, № 56), *связжы* (л. 25, № 60), *жы^{тм}* (л. 26, № 63; л. 31 об., № 89), *лежы^ш* (л. 27 об., № 75), *скажы* (л. 29 об., № 82), *жылныи* (л. 32 об., № 93), *положыте* (л. 35, № 104), *кряжыны* (л. 36 об., № 110), *положы^ш* (л. 42, № 121), *де^ржыте* (л. 42 об., № 121). Показательно, что в ОС не зафиксировано ни одного отклонения от орфографической нормы, которое могло бы быть интерпретировано как свидетельство в пользу мягкости шипящего. Твердые шипящие отмечаются в рукописях, происходящих из северо-восточной новгородской периферии, Пскова, Великого Устюга [Галинская 2002: 222], Холмогор и Шенкурска [Лопухина 2011: 10, 18], Белозерска и Бежецка [Бегунц 2006: 233].

Судя по двум написаниям: *могушю* (л. 10 об., № 21), *защущю^с* (л. 31, № 88), — долгий глухой шипящий, скорее всего, был мягким. В обеих частях рукописи также отмечается мена *ш/щ*: *ще^лко^м* (л. 5 об., № 6), *лоща^д* (л. 26 об., № 69), — которую ввиду небольшого числа примеров следует объяснять не графическими особенностями сборника, а некоторой близостью произношения краткого и долгого шипящих, состоящей в том, что шипящий, обычно обозначаемый буквой *ш*, был долгим, а не сложным. Однако не вполне понятна замена *ш* на *щ*, поскольку [ш], скорее всего, был твердым, как и [ж], твердость которого была доказана.

В совокупности эти написания позволяют предположить, что долгий глухой шипящий, во-первых, звучал мягко, а во-вторых, реализовывался одним звуком — [ш']. Такая реализация находит отражение в новгородских говорах [Галинская 2002: 224–225]. В говорах северо-восточной новгородской периферии и белозерской зоны белозерско-бежецких говоров отмечается только твердый [ш]; в бежецкой зоне — [ш] наряду с [шт'] [Галинская 2002: 224; Бегунц 2006: 234].

Долгий звонкий шипящий передается сочетанием *жж*, которое выявляет его долготу: *ви^{жж}жала* (л. 6, № 7), *ви^{жж}жа^л* (л. 6, № 7), *ночь^{жж}жана^м* (л. 18 об., № 37), — но не позволяет сделать выводы о мягкости или твердости согласного. В таком случае, основываясь на примерах реализации <ж>, правомерно восстановить произношение долгого звонкого шипящего как [ж̄]. Эта реализация известна белозерско-бежецким говорам (наряду с [ж'д']) [Бегунц 2006: 234], шенкурскому диалекту, холмогорскому говору [Лопухина 2011: 10, 18], новгородским и говорам северо-восточной новгородской периферии, псковским (наряду с [жд']) и вологодским говорам (наряду с [жд], [жд'] и [ждж]) [Копосов 1971: 9; Галинская 2002: 225–226].

1.13. Консонантизм. Аффрикаты

Такое диалектное явление, как цоканье, в рукописях XVI–XVII вв. отражается чрезвычайно редко — по мнению И. В. Бегунц, это явление связано с укоренившейся в XVII в. орфографической нормой, согласно которой после *ч* записываются преимущественно *и, я, ю*, а после *ц* — *ы, а, у* [Бегунц 2007: 40]. Эта норма, скорее всего, появилась в приказном языке центра (в московском говоре аффриката <ц> отвердела), откуда была заимствована другими региональными традициями деловой письменности. Близкая система обнаруживается и в ОС. После *ч*, однако, всегда пишется *а* (по-видимому, эта буква воспринимается писцами как нейтральная, т. е. допустимая при написании с любой аффрикатой). Другим отклонением от выделенной И. В. Бегунц системы является пример во второй части рукописи: *но^рчу* (л. 46, № 125), — в котором *ч* сочетается с *у*.

Интересные данные касательно количества аффрикат в говорах писцов содержат исправления: так, можно отметить как минимум три примера, в которых *ц* правится на *ч*. Что важно, вся правка вносится той же рукой. Приведем изначальные написания: *вещ^рние* (л. 15 об., № 32), *на цасовнѣ* (л. 17 об., № 35), *Ива^н Пр^отца* (л. 37 об., № 112); вероятно, сюда же относится пример *Г^сди Б^же, бл^рви, W^и* (л. 11, № 23), если писец имел в виду Зв. ф. Что касается второй части сборника, следует добавить еще один пример отражения цоканья — заимствование *церенкан* ‘черница’ в одном из карельско-вепсских текстов [Мызников 2010: 303]. Мягкое цоканье обнаружено в белозерской зоне белозерско-бежецких говоров (в бежецкой зоне И. В. Бегунц предполагает наличие твердого цоканья или различие аффрикат) [Бегунц 2006: 235], холмогорском говоре и шенкурском диалекте [Лопухина 2011: 11, 18]; неразличение аффрикат отмечается в говорах северо-восточной новгородской периферии [Галинская 2002: 72–73].

1.14. Консонантизм. Непозиционная твердость–мягкость и глухость–звонкость согласных

В рукописи отмечается, во-первых, непозиционное отверждение согласных (особенно широко представлено отверждение [р']): прил. *горка* (л. 6 об.,

№ 7; л. 33 об., № 101a), *отроковы*¹² (л. 8, № 12), *товарыца*^м (л. 10, № 19), *го^сподару*¹² (л. 16, № 32), *крукамы* (л. 21 об., № 52), *пасты* (л. 23, № 56), *лва*¹³ (л. 22 об., № 56; л. 23, № 56; л. 30 об., № 87; л. 31, № 88), *угрысты* (л. 26, № 63), *крыча*^л (л. 35 об., № 106). Вероятно, к этим примерам можно причислить написание *дны: в пе^рвы^и дны молода мца* (л. 2, № 16), — если интерпретировать эту фразу не как ошибку (*ы* вместо *ь*), а как указание на несколько дней, с книжной флексией прилагательного в И. мн. муж. Также обращает на себя внимание склонение двух прилагательных по твердому подтипу: *ве^рхная с ни^жно^и* (л. 14 об., № 30). С другой стороны, в первой части рукописи можно обнаружить примеры непозиционного смягчения согласных: *негото(к)* (л. 1, № 1a), *за га^итя^и* (л. 3, № 3), и склонение слова *сахарь* по мягкому подтипу: *сахаре^и* (л. 13 об., № 28). Во второй части ОС отмечается пример с написанием звонкого согласного вместо глухого: *су^рки* (л. 26 об., № 70), и, наоборот, глухого согласного вместо звонкого: *мо^ино*¹⁴ (л. 34 об., № 103). В первом случае может быть также представлено гиперкорректное написание, т. к. писец чувствовал, что в позициях ассимиляции часто пишется звонкий согласный там, где слышится глухой. Особенно отметим этимологически верные написания приставок *воз-* и *роз-*: *во^зходи^и*^м (л. 15, № 32), *ро^зшиби* (л. 21, № 49), *во^зхищающа^и*^я (л. 30 об., № 87), *ро^зсыпали^и*^с (л. 44, № 123), и правильную форму императива без оглушения: *съгъжь* (л. 24 об., № 59).

1.15. Консонантизм. Поведение твердых согласных в позиции сандхи перед <и>

В обеих частях ОС имеются написания, отражающие изменение *и* > *ы* после губных и зубных согласных в сандхи, т. е. согласные выступают в основных вариантах, без смягчения: *в Ива^искую* (л. 9, № 18), *в ызбу* (л. 24, № 57); *с ыго^иные* (л. 7, № 9), *з ы^збе* (л. 17, № 34), *из ы^збы* (л. 28 об., № 76), *из ы^збы* (л. 29 об., № 82). В остальных случаях представлены этимологически верные написания: *Гс Хс Ива^ину Бгослову* (л. 10 об., № 21), *рабо^и Бжи^и имя^и* (л. 116 об., № 33), *чере^з и^згороду* (л. 26 об., № 70) и др. Все случаи употребления заднеязычного согласного в позиции сандхи соседствуют с *и*: *и^и имена* (л. 2, № 1a); *трие^и исповѣдникъ* (л. 25, № 60), *ка^и Июда* (л. 33 об., № 101a) — однако написания *кы*, *гы*, *хы* в рукописи полностью отсутствуют.

В севернорусских говорах отмечаются две системы корреляции согласных по глухости–звонкости перед <и>: одна из них соответствует русско-

¹² Записано простой литореей: *чо(л)ноцаму*.

¹³ Пример ненадежный, поскольку между буквой *л* и согласным *ь* часто не записывался.

¹⁴ Возможно, по аналогии с написанным ранее наименованием сумки: *да взл(в) рлбина, да де(р)жа(т) в мо(ш)н[и]*, и *хоте (б) посо(х) мо(ш)но здѣла(т) да в рука(х) де(р)жа(т)*.

му литературному языку, а вторая близка системе украинского языка, в котором перед гласными переднего ряда возможны только мягкие согласные, поскольку согласные не противопоставляются по твердости–мягкости [Пауфошима 1983: 56–58]. При этом, как отмечает Р. Ф. Пауфошима, разные группы согласных в сандхи могут реализовываться неодинаково: например, есть говоры, в которых испытывают смягчение либо губные, либо заднеязычные, либо и те и другие, — в то время как переднеязычные сохраняют твердость [Там же: 62]. В целом, как кажется, в обеих частях ОС представлена система корреляции согласных по глухости–звонкости в сандхи, близкая второй системе. Сходное произношение губных и зубных согласных в кон. XVI — нач. XVII в. отмечается в новгородских говорах [Галинская 2002: 38]. Ослабление корреляции по твердости–мягкости встречается и в белозерско-бежецких говорах XVII в. [Бегунц 2006: 204].

1.16. Консонантизм. Позиционное оглушение согласных

Во второй части рукописи представлены лишь ассимилятивные оглушения звонких согласных [б, ж, з] перед глухим: *ря^нчая* (л. 26, № 63), *тру^нкою* (л. 27, № 74), *отры^нки* (л. 32 об., № 93), *бли^ско* (л. 21 об., № 52), *выль^сти* (л. 26 об., № 67), *росколе^н* (л. 33, № 93).

1.17. Консонантизм. Диссимилятивные изменения и упрощения групп согласных

В обеих частях рукописи широко распространено отражение диссимиляции и упрощения групп согласных.

[кт] ⇒ [хт]: *кто* (л. 2 об. — 3 об., № 3; л. 12 об., № 26; л. 36 об., № 110), *никто* (л. 24, № 57; № 88, л. 31 × 2; л. 40, № 117); [кр] ⇒ [хр]: *хр^стиянь* (л. 31 об., № 89), *хр^стия^нскии* (л. 31 об., № 89);

[с'т'] ⇒ [с']: *е^с* (л. 3 об., № 3; л. 7, № 10; л. 9 об. × 8, № 18; л. 10, № 20; л. 17 × 2, № 34; л. 26, № 63; л. 32, № 90; л. 38 об., № 114), *тро^с* (л. 10 × 2, № 20), *пу^с* (л. 11 об., № 25), *бы^с* (л. 8, № 14), *крто^сю* (л. 15, № 31), *че^с* (л. 25, № 60), *да^с* (л. 29 об. × 2, № 81)¹⁵;

[ст] ⇒ [с]: *накре^с* (л. 22, № 54), *ч^снои* (л. 42 об., № 121); [шт] ⇒ [шт]: *што* (л. 3 об., № 3; л. 28, № 76; л. 43, № 122); [чн] ⇒ [шн]: *со^нны^шно^н* (л. 6, № 7);

[ндр] ⇒ [р]: *ар^химарити* (л. 15 об., № 32);

[з'н'] ⇒ [з']: *боле^з* (л. 6 об., № 8; л. 10 об., № 20);

[з'н'] ⇒ [з'] ⇒ [с']: *боле^с* (л. 3 об., № 3);

[дк] ⇒ [тк] ⇒ [к]: *поки^н* (л. 5 об., № 5);

[вс] ⇒ [фс] ⇒ [с]: *стречю* (л. 9, № 18);

¹⁵ Данный пример отражает именно этот переход, а не упрощение [ст] ⇒ [с], поскольку в тексте приведены формы аориста 3 л. ед., нормативно имеющие окончание *-сть*.

- [кн] ⇒ [н]: *мо^лну^м* (л. 17, № 34);
 [бч] ⇒ [ч]: *оче^рти* (л. 23 об., № 57);
 [рг] ⇒ [р]: *че^мве^р* (л. 26 об., № 71);
 [дч] ⇒ [ч]: *почерпни* (л. 22, № 52);
 [сг] ⇒ [г]: *гла(з)* (л. 33, № 97);
 [рдц] ⇒ [рц]: *серце* (л. 43–43 об., № 122).

Исследование фонетических особенностей ОС показало, что в рукописи отмечается такая яркая северно-русская черта, как произношение [и] в ударном слоге на месте *ѣ во всех позициях, что характерно для новгородского диалекта и говоров северо-восточной новгородской периферии. Другие особенности фонетики — отражение полного оканья и оканья с элементами неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных, цоканье, взрывное качество звонкого задненебного (во второй части) и твердые шипящие — подтверждают, что оба писца были носителями севернорусских диалектов.

2. Грамматические особенности ОС

2.1. Существительные *ā-скл. Р.–Д.–М. ед.

В современных диалектах выделяются два типа синкретизма форм Р.–Д.–М. ед. *ā-скл.: с синкретичной флексией *-е* в южных говорах и *-ы/-и* в говорах генетически новгородского типа. До XI в. в древненовгородском диалекте происходит унификация Р.–Д.–М. ед. твердого и мягкого типов основ на *ā- и образование синкретичной формы с окончанием *-ѣ* [Галинская 1991]. Современный тип падежного синкретизма — с флексией *-ы/-и* — формируется под влиянием перехода [ѣ] > [и] в северо-западных говорах, однако на протяжении длительного времени *-ѣ* и *-ы* сосуществуют друг с другом в разном соотношении. Так, в XI–XIII вв. флексия *-ѣ* является единственно возможным вариантом окончания в Д.–М. ед. и господствующим в Р. ед. (спорадическое употребление *-ы* в берестяных грамотах объясняется проникновением наддиалектного древнерусского языка). Окончание *-ы* в Д.–М. ед. появляется лишь в XIV в., но уже в XVI в. отмечено сосуществование двух синкретичных форм (с преобладанием нового типа в первой пол. XVII в.), что преодолевается в кон. XVII в. за счет вытеснения флексии *-ѣ* и тем самым установления падежного синкретизма современного типа. Однако старая форма с *-ѣ* (*-е*) изредка встречается и в современных говорах как реликт. Подчеркнем, что флексия *-ы* отмечается и в Повенецкой таможенной книге 1612 г.: *по уста^еной грамоты* (л. 25) [Чернякова 2006].

Исследуя систему Р.–Д.–М. ед. в ОС, мы учитываем только лексемы твердой разновидности *ā-скл. (основы на заднеязычные при ударных окончаниях не учитывались, потому что у них [кы] > [ки], т. е. возникал тот же эффект, что и при переходе [ѣ] > [и]); ввиду немногочисленности

примеров отдельная статистика по ударным/безударным окончаниям и синтаксическим контекстам не приводится (тем не менее в рукописи имеются формы Р. ед. с предлогами *у/подле/съ, отъ*, а М. ед. выступает в собственном местном значении с предлогами *въ, на*). Как показал анализ, в записях представлены три системы распределения флексий: 1) в соответствии с этимологией: Р. ед. *-ы*, Д.–М. ед. *-ѣ*¹⁶, 2) *-ѣ* в Р.–Д.–М. ед., 3) *-ы* в Р.–Д.–М. ед. Если первая система полностью нейтральна, то принципиальным отличием второй и третьей является наличие контраста, который выражается в появлении диалектных окончаний на фоне нейтральных. Для удобства выведем данные по группам № 2–3 в таблицу (первая система не показательна в силу своей нормативности, поэтому ее мы не будем рассматривать). Окончания Р. ед. *-ы* и Д.–М. ед. *-ѣ* не приводятся ввиду их нормативности.

Таблица 1

Группа	1-й писец	2-й писец
№ 2. Синкретизм старого типа	№ 12: Р. ед. <i>по^оле то^и ступе</i> (л. 7 об.); № 34: Р. ед. <i>з ы(з)бе</i> (л. 17)	№ 41: Р. ед. <i>ѡ^м животине</i> (л. 20); № 107: Р. ед. <i>у то^у рабѣ</i> (л. 36)
№ 3. Синкретизм нового типа	№ 7: Д. ед. <i>ко всяко^у стрелы</i> (л. 6 об.); № 18: Д. ед. <i>к высоты</i> (л. 9 об.), М. ед. <i>на воды</i> (л. 9); № 21: Д. ед. <i>ко А^нны</i> (л. 10 об.)	№ 59: М. ед. <i>на воды</i> (л. 24 об. × 2); № 73: М. ед. <i>на травы</i> (л. 27); № 81: <i>в раны</i> (л. 29 об.); № 93: Д. ед. <i>не быва^ти руды</i> (л. 32 об.); № 96: М. ед. <i>в раны</i> (л. 33); № 98: М. ед. <i>на сосны</i> (л. 33 об.); № 100: М. ед. <i>в раны</i> (л. 33 об.); № 104: Д. ед. <i>по воды, к могилы</i> (л. 35); № 106: М. ед. <i>на хоромины, в сеи избы, в головы</i> (л. 35 об.); № 111: М. ед. <i>на перины, в глубины</i> (л. 37); № 124: Д. ед. <i>к осины</i> (л. 42); № 125: М. ед. <i>на бестѣды</i> (л. 45 об.)

Проникновение флексии *-ы* в Д. ед. в подчеркнуто книжный текст № 21: *ко А^нны*, — как кажется, можно объяснить за счет текстологических особенностей рукописи (см. подробнее [Алексеева, Гиппиус 2019: 143]). Необходимо отметить, что в рукописи синкретизм нового типа преобладает над старым оформлением Р.–Д.–М. ед.

2.2. Флексия Т. мн.

Как отмечает Г. А. Хабургаев, «своеобразие условий унификации флексий в Т. мн. ч. сказалось в разнообразии результатов этого процесса по го-

¹⁶ В т. ч. примеры с отражением [ê] > [i] и меной *-ѣ/-е*.

ворам» [Хабургаев 1990: 139]. В качестве формального показателя Т. мн. в ОС отмечаются шесть вариантов окончаний существительных: *-ы/-и*, *-ами/-ями*, *-амы/-ямы*, *-ыма/-има*, *-ми*, *-мы* (при этом первый писец употребляет лишь этимологический вариант *-ы/-и* и диалектный *-амы/-ямы*, а второй писец использует все модели). Если окончания *-ы/-и*, *-ами/-ями*, *-ми* употребляются в древнерусских рукописях вне зависимости от места их создания, то остальные варианты являются диалектными.

Флексия *-амы/-ямы* встречается, во-первых, в говорах, пограничных с украинскими и белорусскими, и, во-вторых, на севере Руси, где ее происхождение обусловлено контаминацией унифицированного окончания *-ами* и диалектного *-ама*, которое также фиксируется в говорах Прионежья [Хабургаев 1990: 141–142]. В ОС эта флексия встречается только у существительных: *своима думамы и смысламы* (л. 10 об., № 22 × 2), *ни з бра^тямы, ни с сестрамы, ни с суседамы не ѿ^тседе^тце* (л. 13 об., № 28), *ка^к завяжу сю рябину ко^нцамы* (л. 5 об., № 6); *крукамы ва^кзакрючи^т, паличми убьемъ* (л. 21 об., № 52), *закрыва^тср^оце гѣ брато^в гѣ замкамы, гѣ ключами* (л. 43 об., № 122). Употребление флексии Т. мн. *-мы* известно говорам, однако в ОС эта флексия встречается только в составе одной фразы и является, на наш взгляд, результатом языковой игры, построенной на задействовании флексии другого словоизменительного класса: *из ѱ^бы две^рмы, из воро^т воро^тмы* (л. 27 об., № 76; л. 29 об., № 82). Далее, в одной записи из первой части рукописи зафиксировано окончание *-ыма/-има* (контаминация этимологического окончания *-ы/-и* и форманта *-ма*), которое, согласно Г. А. Хабургаеву, встречается в говорах на территории Карелии, Архангельской и Псковской обл. [Там же: 141–142]: *своима ногтима* (л. 31, № 88).

Что касается адъективного склонения, в рукописи также отмечается окончание *-ыма/-има*: *1 стре^т гово^р... а и^ны^ныма боле^нми* (л. 6, № 7), *своима думамы и смысламы* (л. 10 об., № 22 × 2), *своими приѣзды и своими приходы, и своима очима и и* (так в ркп. — А. А.) *своима ногтима, и своима малы^т на^хнох^тки* (л. 31, № 88). Вероятно, во второй части ОС имеется еще один пример употребления данной флексии. Ср. в публикации В. И. Срезневского: *есть между двѣма рябинами кудрявым[а] золота колыбе^т* (л. 32, № 90) [Срезневский 1913: 502] (в настоящее время, после реставрации, последняя буква прилагательного *кудрявыи* читается ненадежно).

2.3. Конструкции с глаголом быти

Во второй части ОС обнаруживаются конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени, которые отмечаются в современных северо-западных говорах и памятниках XIII–XVI вв. также преимущественно северо-западного происхождения [Шевелева 1993: 139–141]: *есть чистое поле, и е^сть в чисто^м полѣ стои^т Егдо^р ду^б* (л. 21 об., № 52), *есть гумно желѣзное, е^сть на то^м гумнѣ желѣзно^м стои^т бы^к желѣзно^м* (л. 20, № 42), *есть в морѣ окоянѣ стои^т белѣ каме^н* (л. 22 об., № 55). Имеются также два примера употребления *есть* в качестве связки при

именном сказуемом: *ка^к в се^у и³бе двѣ мати^и е^с крѣ^нки* (л. 17, № 34), *ко^л есть сему мертвецу¹⁷ тяжело ѿ^м земли и ѿ^м камени, сто^л бы тяжело было моему¹⁸ супостатаю* (л. 35, № 104), — что является скорее чертой книжного языка. Заметим также, что оба писца дважды используют связку 3 л. ед. с конечными гласными -и: *да еще у мужа у ведуна ести [...]* *ба^ина па^рная* (л. 7, № 10), *ести море ѡкия^и, есть в то^м в ѡкиянь мори ѡрь Шустия* (л. 44 об., № 124); в первой части также встречается *ести* по отношению ко мн. ч.: *за ѡкияно^м море^и ести Сина^иския горы* (л. 7, № 9). Не исключено, что в примере из записи № 37 должна была читаться связка 3 л. ед. с конечным -и вместо аграмматичного *есми сходится*, поскольку писец мог спутать довольно похожие скорописные написания букв *т* и *м*: *ка^к есми сходится зоря с свѣто^м, та^к бы сходила^с кро^в с мѣдью и мѣдь с кро^вю* (л. 33, № 37). К тому же связка *есми* встречается в ОС лишь в первом почерке: *бы^л есми у стго мужа, и огражае^т меня, имя^р, сты^и му^ж ѿ^м лихих людех* (л. 10, № 19).

2.4. Конструкция типа «вода пити» и прямое дополнение в клаузах с причастиями и личными формами глагола

В ОС достаточно распространены примеры употребления прямого дополнения в И. п. в инфинитивных клаузах (т. н. конструкции типа «вода пити») и в клаузах с причастиями и личными формами глагола. Примечательно, что большинство примеров появляется в так называемых инструкциях, лишь однажды конструкция употреблена в теле заговора, причем инфинитив зависит от предиката *надобно*: *надобно ку^нница золотая сору^жа^ти* (л. 43, № 122).

В конструкции «вода пити», по данным Р. В. Ронько, употребляется преимущественно И. п. объекта нереферентных, слабоопределенных или неопределенных для говорящего имен [Ронько 2016: 163]. Однако в ОС зачастую речь идет, во-первых, об уже упоминавшемся предмете: *а в друго^у ру^к свечю ѿ^тне^с и соса^ч¹⁹ за го^рло... прише^д ко Ег^орю, свеча [с ѿ]гне^и поста^{ви}т* (л. 11 об., № 25), *гдѣ седи^т же^ика, с то^г мѣста взя^т ие^ика, выколупи^т да перерѣза^т на по^л, половина же^ич* (л. 12 об., № 27); *и взя^т воды з берега, и скво^зи сава^и и скво^зи иглу та вода процѣдитъ 3^и... и на^д водо^у то^ж говори 3^и сии слова, и та вода пи^ит* (л. 27–27 об., № 75), *или в рябину наговарива^и на кореню, у кореня, да наговори^и, выня^и рябина, да положи^и на посте^и подли члка то^г* (л. 22, № 52), *в Велико^у Че^ивергъ, вываля^и тѣсто ис ква^ини, да ква^иня ѡскрести и руки* (л. 22, № 53); во-вторых, отмечаются контексты, в которых говорится об определенных понятиях, поскольку они снабжаются конкретными указаниями: *взя^и против хре^бта в сорочке ни^ика* (л. 12 об., № 27); *могила выкопа^и, гдѣ не^знаемо^и ме^ртве^и... да ве^рхняя доска*

¹⁷ В рукописи простой литореей: *ремкшеду*.

¹⁸ В рукописи простой литореей: *роеру*.

¹⁹ Ошибка в рукописи, д. б.: *коса^и*.

сня^{тн} и сава^н отправи^{тн} (л. 27–27 об., № 75), *пе^рвое ста^{тн} поутру до зори да взя^{тн} рогатина, которая в звѣре бывала* (л. 27 об., № 57). Примеры с нереперентными именами ограничены: *ка^к робя не спи^{тн}, взя^{тн} желчь зае^чя да ея [вы]суши^{тн}* (л. 25 об., № 62) *проня^{тн} скво^{зи} сава^н 3^ж игла* (л. 27–27 об., № 75). Далее, как видно из цитат, все имена неодушевленные. По сравнению с материалом Р. В. Ронько [Там же: 170–171], ОС демонстрирует более широкое употребление постпозиции объекта по отношению к инфинитиву: в рукописи обнаруживается семь примеров препозиции и шесть постпозиции.

До недавнего времени конструкцию «вода пить» связывали с северо-западной диалектной зоной, хотя некоторые исследователи также отмечали отдельные примеры в смоленских, полоцких и московских памятниках (см. обзор работ в статье [Ронько 2016: 160–161]). Однако, как показала А. В. Попова, эта конструкция широко использовалась и в московском регионе в XVI — нач. XVIII в. [Попова 2017], что не позволяет считать ее явлением исключительно северо-западных диалектов. Тем не менее вторая часть ОС содержит и типично севернорусскую конструкцию, а именно прямое дополнение в И. п. в клаузе с причастием [Ронько 2016: 158]: *а са-мом^у води^{тн} безымя^нымъ пе^рстомъ, да взя^{тн} рябина, да де^ржа^{тн} в мо^{тн}и[и]* (л. 34 об., № 103).

Итак, в обеих частях рукописи отмечаются такие типично севернорусские черты, как синкретизм двух типов существительных жен. р. с основой на *ā- в Р.–Д.–М. ед., адъективная флексия -ыма/-има, субстантивная флексия -амы/-ямы, конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени и прямое дополнение в И. п. в клаузах с причастиями и личными формами глагола.

3. Заключение

Как показало исследование фонетических и грамматических особенностей ОС, диалектам обоих писцов свойственны черты, характерные для севернорусских говоров (см. таблицу 2).

В дополнение к таблице следует заметить, что переход [’а] в [е] между мягкими согласными, не зарегистрированный в ОС, не противоречит севернорусскому происхождению рукописи, поскольку в некоторых говорах в XVII в. он находился в стадии нивелировки. Однако можно ли точнее локализовать диалекты писцов? Для начала проверим реалистичность гипотезы о связи сборника с Заонежьем и, в частности, Повенецким уездом. К сожалению, подробное лингвистическое исследование средневековых памятников этого региона отсутствует, а территория изучения современных говоров в ДАРЯ ограничена с севера 62-й параллелью: приблизительно половина Олонецкой губернии — в том числе г. Повенец и окрестности — остается за рамками внимания диалектологов. Тем не менее говоры этой местности, во-первых, были частично описаны Е. В. Барсовым во второй

Таблица 2

	1-й писец	2-й писец
переход ударного [ê] > [и]	во всех позициях	во всех позициях
безударный вокализм	полное оканье с элементами неразличения	полное оканье
предлог <i>ув</i>	отсутствует	присутствует
качество звонкого заднеязычного	нет данных	взрывной
качество <ж>	твердый	твердый
долгий глухой шипящий	[ш']	[ш']
долгий звонкий шипящий	[ж]	[ж]
количество аффрикат	цоканье	цоканье
синкретизм сущ. *ā-скл. Р.-Д.-М. ед.	два типа	два типа
субстантивное скл. Т. мн.	стандартные флексии	-амы/-ямы
адъективное скл. Т. мн.	-ыма/-има	-ыма/-има
глагол <i>быти</i>	конструкции с экзистенциально-модальным <i>есть</i> при формах настоящего времени	конструкции с экзистенциально-модальным <i>есть</i> при формах настоящего времени
прямое дополнение	отсутствует	И. п. в клаузах с причастиями

пол. XIX в. [Барсов 1872], во-вторых, они рассматривались в нач. XX в. в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова, в котором Повенецкий уезд находился на территории распространения Поморской и Олонецкой групп говоров [Дурново и др. 1915]. Данная работа делает возможным сопоставление имеющегося материала с хоть и более поздним, но, однако, географически близким материалом.

В причитаниях Е. В. Барсов выявил следующие особенности фонетики и грамматики, которые отражаются или могут отражаться в ОС. Ученый отмечает, что звук [o] часто появляется в конце слова после [ц] и иногда переходит в [y] (единственный пример из списка с безударной позицией: *удолять*) [Барсов 1872: XXIII]. Далее, звук [и] «иногда звучит как» [е] (*доберается*), а звуки [и] и [ê] могут быть взаимозаменяемы (*одинемъ* вм. *одънемъ*, *винички* вм. *венички*, *поторопѣлся* вм. *поторопился*, *тихомѣрны* вм. *тихомирны*). Здесь необходимо отметить, что в приведенных примерах зафиксировано лишь употребление [и] на месте *ѣ в позиции перед мягким согласным, в то время как перед твердым отмечается обратный эффект:

в целом это явление свидетельствует о близости реализации двух фонем. В возвратных глаголах в 3 л. ед. настоящего и будущего времени, как пишет исследователь, *-ся* переходит в *-ци* (*стоскнетци сгорюхнетци*), что можно сопоставить с произношением, отраженным в рукописи: *-тица* или *-тице* (конечный гласный редуцируется, поэтому однозначно описать звук невозможно) [Барсов 1882: 309]. Что касается консонантизма, по наблюдениям Е. В. Барсова, в причитаниях аффрикаты не различаются [Барсов 1872: XXIV], и это не противоречит материалу ОС. Все эти черты присутствуют в рукописи, однако релевантными для определения диалекта являются только рефлекс **ѣ* и характер употребления аффрикат.

Важное замечание Е. В. Барсова относится к флексиям Т. мн., который «иногда оканчивается на *мы*, иногда на *мъ*: за *горами* (90, 31) *съ сусѣдмы* (82, 47) *топоренкамы* (95, 33) *колотушкамъ* (21, 37) *почанчанкамъ* (105, 7) *качелямъ* (83 63)» [Там же: XXVIII]. Здесь следует уточнить, что в первом и третьем примерах употребляется окончание *-амы/-ямы*, зафиксированное в обеих частях ОС, в то время как во втором — окончание *-мы/-ми* (наблюдается только во второй части сборника). Однако эти флексии характеризуют разные севернорусские говоры, что также не позволяет сделать вывод об олонейском происхождении рукописи.

Авторы «Опыта...» отмечают значительную близость говоров Поморской и Олонецкой групп, наиболее важным различием между которыми является рефлексация **ѣ*. Так, если в поморских говорах **ѣ* > [е] во всех позициях, за исключением конца слова, то в олонейских говорах отмечается гораздо более гетерогенная система: в одних говорах ударный **ѣ* реализуется как [ê] или [e¹] перед мягкими и твердыми согласными, в других — как [ê] или [e] перед твердыми согласными и как [и] или [e¹] перед мягкими согласными [Дурново и др. 1915: 21]. Как можно заметить, ни один из вариантов не совпадает с данными ОС, в обеих частях которого **ѣ* > [и] и перед мягкими, и перед твердыми согласными, — такое распределение, судя по «Опыту...», в нач. XX в. было характерно лишь для новгородских говоров [Там же: 22]. Другая черта, которая дифференцирует группы, — это переход [’а] > [е], прошедший в говорах Поморской группы и отсутствующий в большинстве говоров Олонецкой группы. Один пример перехода встречается и во второй части ОС, однако он отсутствовал также и в новгородских говорах этого периода [Там же: 21–22].

Таким образом, среди говоров нач. XX в. наиболее близкими диалектам двух писцов оказываются именно новгородские говоры (единственное отличие — отсутствие флексии *-ма* в субстантивном и *-ма*, *-мы* в адъективном склонении Т. мн.). Что касается синхронного среза, новгородские говоры и говоры северо-восточной новгородской периферии первой пол. XVII в. также демонстрируют наибольшее число соответствий с материалом ОС, поэтому можно предположить, что в это время в данных говорах до распространения Т. мн. = Д. мн. могли существовать и флексии *-ма*

в субстантивном, и *-ма*, *-мы* в адъективном склонении. При этом необходимо отметить, что наличие двух типов синкретизма Р.–Д.–М. ед. существительных с исторической основой на **ā-* может не только отражать тенденцию распределения окончаний в первой пол. XVII в., но и свидетельствовать о наличии нескольких источников, использованных писцами: более ранних и более поздних — поскольку ни в одной записи не находятся сразу два варианта флексии.

Источники

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости. 1876. № 15. С. 161–163.

ОС — НИОР БАН. 21.9.10. Сборник заговоров. Первая пол. XVII в. 8°. 46 л.

РЗРИ 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010.

Чернякова 2006 — И. А. Чернякова. Повенецкая таможенная книга 1612 г. [Электронный документ] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2006. URL: http://illmik.petsu.ru/Alkonost/pdf_s/Povenets.pdf.

Литература

Алексеева, Гиппиус 2019 — А. С. Алексеева, А. А. Гиппиус. Наблюдения над текстом Олонецкого сборника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 141–157.

Алмазов 1904 — А. И. Алмазов. Испытание освященным хлебом (Вид «Божьего суда» для обличения вора). Греческий устав совершения его по рукописи XVII в., с кратким историческим очерком. Одесса: «Экономическая» типография, 1904.

Барсов 1872 — Е. В. Барсов. Причитанья Севернаго края собранныя Е. В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М.: Современные известия, 1872.

Барсов 1882 — Е. В. Барсов. Причитанья Севернаго края собранныя Е. В. Барсовым. Ч. 2. Плачи завоенные, рекрутские и солдацкие. М.: Университетская типография, 1872.

Бегунц 2006 — И. В. Бегунц. Фонетический строй Белозерско-Бежецких говоров первой половины XVII века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Бегунц 2007 — И. В. Бегунц. К вопросу об отражении цоканья в русской деловой письменности XVII в. // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 40–41.

Галинская 1991 — Е. А. Галинская. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.

Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002.

Дурново и др. 1915 — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М.: Синодальная типография, 1915.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Зализняк 2019 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Копосов 1971 — Л. Ф. Копосов. Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Логунова 1984 — Н. В. Логунова. Средства выражения принадлежности в русском языке XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

Лопухина 2011 — А. А. Лопухина. Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Мызников 2010 — С. А. Мызников. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010. С. 286–310.

Пауфощима 1983 — Р. Ф. Пауфощима. Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М.: Наука, 1983. С. 55–62.

Попова 2017 — А. В. Попова. Конструкция типа «*вода пѣти*» по данным московских памятников XVI — нач. XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 251–264.

Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (31). С. 158–181.

СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–.

Срезневский 1913 — В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае В. И. Срезневым. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1913. С. 481–511.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. Л., СПб.: Наука, 1965–.

Сущева 1974 — М. В. Сущева. Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (на материале документов г. Великого Устюга). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.

ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Шевелева 1993 — М. Н. Шевелева. Аномальные церковнославянские формы с глаголом *быти* и их диалектные соответствия // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 135–155.

Статья получена 14.12.2019

Alina S. Alekseeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
The Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

RUSSIAN TEXTS IN *OLONETSKY SBORNIK* FROM THE 17TH CENTURY: PHONETICS AND GRAMMAR

The *Olonetsky sbornik* (The Library of the Russian Academy of Sciences. 21.9.10) is one of the biggest collections of handwritten incantations of the first half of the 17th century. The study of phonetic and grammatical features of the manuscript and its comparative analysis with contemporary and later dialectal material allows to conclude that its scribes were speakers of the Novgorod dialect or some dialect of the north-eastern periphery of the Novgorod Land. The following dialect features were discovered in both parts of the manuscript: the realization of **ě* as [i] in stressed position, the distinction between the vowels [o] and [a] in unstressed syllables, the palatalised quality of the long voiceless sibilant [ʃ:] in contrast with the non-palatalised voiced sibilants [ʒ], [ʒ:], merger of the voiceless alveolar affricate /ts/ and the voiceless postalveolar affricate /tʃ/, syncretic inflection of *a*-stem nouns in Gen.–Dat.–Loc. singular, adjective inflection — *yma/-ima* in Instr. plural, constructions with the existential modal *est'* and present tense forms. The dialect of the second scribe is also characterized by voiced velar fricative [ɣ], the use of the preposition *uv*, the desinence *-amy/-yamy* in the Instr. plural of the nouns and the use of the Nominative in the function of direct object in infinitival and participial clauses. The co-occurrence of two types of syncretic genitive/dative/locative form of **ā*-stem nouns suggests either simultaneous use of different inflections, which was typical of the Novgorod dialect in the first half of the 17th century, or the use of different prologues by the scribes.

Keywords: Olonetsky sbornik, handwritten charms, Old Russian language, Northern Russian dialects, historical linguistic geography

References

- Alekseeva, A. S., & Gippius, A. A. (2019). Nabliudeniia nad tekstem Olonetskogo sbornika. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2(76), 141–157.
- Almazov, A. I. (1904). *Ispytanie osviashchennym khlebom (Vid «Bozh'ego suda» dlia oblicheniia vora). Grecheskii ustav soversheniia ego po rukopisi XVII v., s kratkim istoricheskim ocherkom*. Odessa: Ekonomicheskaiia tipografiia.
- Barkhudarov, S. G. et al. (Eds.). (1975–). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Begunts, I. V. (2006). *Foneticheskii stroi Belozersko-Bezhetskikh govorov pervoi poloviny XVII veka* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Begunts, I. V. (2007). K voprosu ob otrazhenii tsokan'ia v russkoi delovoi pis'mennosti XVII v. In M. L. Remneva, & A. A. Polikarpov (Eds.), *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka* (pp. 40–41). Moscow: MAKSS Press.
- Durnovo, N. N., Sokolov, N. N., & Ushakov, D. N. (1915). *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoi dialektologii*. Moscow: Sinodalnaia tipografiia.

- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (Vols. 1–). Leningrad; St Petersburg: Nauka.
- Galinskaia, E. A. (1991). K istorii sinkretichnykh imennykh form v russkikh severo-zapadnykh govorakh. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 5, 28–36.
- Galinskaia, E. A. (2002). *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvo-geograficheskom aspekte*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Khaburgaev, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Koposov, L. F. (1971). *Vologodskie govory XVI–XVII vv. po dannym mestnoi delovoi pis'mennosti: Fonetika i morfologiya* (Doctoral dissertation). Moscow State Pedagogical Institute, Moscow.
- Logunova, N. V. (1984). *Sredstva vyrazheniia prinadlezhnosti v russkom yazyke XVII v.* (Doctoral dissertation). Leningrad State University, Leningrad.
- Lopukhina, A. A. (2011). *Fonetika kholmogorskogo i shenkurskogo dialektov XVII v.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Myznikov, S. A. (2010). Karel'sko-vepsskie zagovory Olonetskogo sbornika. In A. L. Toporkov (Ed.), *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoi poloviny XIX v.* (pp. 286–310) Moscow: Indrik.
- Paufoshima, R. F. (1983). Nekotorye osobennosti sandkhi v severnorusskikh govorakh. In R. I. Avanesov (Ed.), *Russkie narodnye govory: Lingvogeograficheskie issledovaniia* (pp. 55–62). Moscow: Nauka.
- Popova, A. V. (2017). Konstruktsiia tipa «voda piti» po dannym moskovskikh pamiatnikov XVI — nach. XVIII vv. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(33), 251–264.
- Ronko, R. V. (2016). Differentsirovannoe markirovanie priamogo dopolneniia v infinitivnykh klauzakh v drevnerusskom yazyke. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(31), 158–181.
- Sheveleva, M. N. (1993). Anomal'nye tserkovnoslavianskie formy s glagolom byti i ikh dialektnye sootvetstviia. In B. A. Uspenskii, & M. I. Sheveleva (Eds.), *Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu yazykoznaniu: Pamiati prof. G. A. Khaburgaeva* (pp. 135–155). Moscow: Izd-vo MGU.
- Sreznevskii, V. I. (1913). *Opisanie rukopisei i knig, sobrannykh v Olonetskom krae*. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.
- Sushcheva, M. V. (1974). *Orfograficheskie normy i vozmozhnosti otrazheniia dialektnykh osobennostei v delovoi pis'mennosti pervoi poloviny XVII v. (na materiale dokumentov g. Velikogo Ustiuga)* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2008). «Slovo o polku Igoreve»: vzgliad lingvista. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Zaliznyak, A. A. (2019). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK.

Received on December 14, 2019